

Конфликт интересов власти и бизнеса в современной России

Кириллина В.Н.¹, Антонова А.Ю.²

В статье рассматриваются сложившиеся в российском обществе практики конфликтного взаимодействия бизнеса и власти. Наиболее важным из них признается преобладание неформальных сетей управления конфликтами. Они вырабатывают правила, по которым бизнес и власть строят свои отношения, компенсируя тем самым слабые формальные институты. Во взаимоотношениях бизнеса и государства можно выявить ряд острых углов, таких как: отсутствие четких и однозначных «правил игры», гарантий института частной собственности. Партнерство бизнеса и власти в России можно определить лидирующей ролью государства.

Ключевые слова

взаимодействие бизнеса и власти, конфликт, институты, специфика российского бизнеса, институционализация конфликтов

---

¹ **Кириллина Валентина Николаевна** - доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти, директор Института коммуникационного менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: kirillina@hse.ru

² **Антонова Анастасия Юрьевна** - выпускница факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Репетитор по английскому языку

Сегодня можно заметить возрастающий интерес к вопросам взаимодействия бизнеса и власти как со стороны научного, так и делового сообщества. Во многом это объясняется растущим влиянием разных групп интересов и структур на процесс принятия политических решений, касающихся значимых сфер общественной и деловой жизни.

Бизнес – это важный субъект социальной, экономической и политической деятельности. В отсутствии конструктивного диалога ни бизнес, ни власть не способны в полном объеме реализовывать свои функции, как общественные, так и государственные, а значит и удовлетворять общественные запросы, что может привести к разного рода нестабильностям. Это выводит проблемы взаимоотношения государства и бизнеса на лидирующие позиции в политических процессах, и делает процесс согласования интересов и урегулирования конфликтов одной из самых важных проблем.

Конфликт интересов бизнеса и власти

Специфика конфликта власти и бизнеса проявляется в том, что бизнес нацелен на решение проблем отдельных частных лиц и структур. Власть же в своих действиях обязана ориентироваться на интересы общества, регулируя рынок и ограничивая рыночную свободу. В результате на бизнес-структуры накладывается определенная социальная ответственность, например, экологические требования к производству, определенные стандарты трудовых отношений и пр. Тем не менее, обе стороны данного конфликта заинтересованы в развитии социальной среды, поэтому им обоим выгодно взаимное сотрудничество, а значит и урегулирование возникающих конфликтов, и продолжение конструктивного диалога. Конфликт в подобного рода отношениях – это в основном средство, а не цель. Предпосылки и причины конфликта власти и бизнеса кроются в специфике политико-экономической системы государства, а на их развитие и итоги влияют как внутренние,

так и внешние факторы. Особенности институциональной среды создают основные факторы, которые определяют контуры конфликтного взаимодействия бизнеса и власти.

Несмотря на то, что конфликты могут принимать разные формы, пути их разрешения имеют общие истоки. Выход из конфликта с наименьшими потерями возможен при создании определенных условий, таких как, например, наличие правовых технологий, стабильный уровень демократии в обществе, наличие опыта по разрешению конфликтов и т.п.

Выделяют несколько режимов функционирования конфликтных взаимоотношений власти и бизнеса [1, 9-14]:

- «директивный»: власть обладает разного рода ресурсами, которые в свою очередь позволяют ей – доминирующему агенту – осуществлять свою волю и обеспечивать выполнение распоряжений аморфным в текущих условиях бизнесом. Бизнес со своей стороны не стремится получить рычаги влияния на выработку политического курса, а стратегическое управление собственностью целиком и полностью подчинено государству;
- «функциональный»: бизнес здесь выступает в роли социально-политического актора, управление которым стремится реализовать власть. Права собственности в условиях «функционального» режима размыты, развитие получает так называемая система кормлений, а в случае возникновения конфликтной ситуации чаще всего прибегают к помощи административных методов;
- «коммуникативный»: взаимоотношения бизнеса и власти регулируются строго законами рынка. Бизнес имеет возможность влиять на выработку политических решений посредством официально закрепленных механизмов лоббирования. При распределении ресурсов используются исключительно экономические и юридические

механизмы, а права собственности четко определены.

Перспективы конфликтного регулирования зависят во многом от форм, характера и эффективности договорных технологий участников конфликта, а выбор определенного способа работы с конфликтной ситуацией – от задач, которые стороны ставят в отношении друг друга. Наиболее эффективный механизм управления конфликтами – институционализация, так как институционализированное противостояние является наиболее предсказуемым. Этот способ решения противоречий приоритетен для обеих сторон. Конфликтные отношения, которые складываются между акторами естественным путем в ходе их взаимодействия, с помощью институционализации приобретают четкую форму, а орудиями разрешения конфликтов становятся дискуссии, обсуждения и консультации. Институционализированный конфликт – конфликт прогнозируемый, в то время как неинституционализированный – это внезапный взрыв недовольства без наличия определенных принципов. Успех институционализации достижим при применении технологий, которые направлены на открытое обсуждения сторонами имеющихся проблем. Диалог, переговоры, консультации и т.п. повышают перспективу долгосрочного сотрудничества, в то время как административные механизмы не благоприятствуют стабильности в отношениях бизнеса и власти. Они настроены на одностороннюю коммуникацию, хотя и могут быть полезны в вопросах частного порядка.

Положение бизнеса в России

Исторически в России, в отличие от, например, стран Западной Европы, возможность вести предпринимательскую деятельность зависела во многом от государственных чиновников, а предприниматель выступал в отношениях с государством скорее как проситель. Именно правительство было инициатором создания как казенных, так и частных предприятий с целью развития

промышленности и торговли. Фактически создавался класс предпринимателей, которые напрямую зависят от чиновников. Это стало причиной определенного иждивенчества российских предпринимателей, которые старались получать от государства те или иные льготы: беспроцентные ссуды, защиту от конкуренции, выгодные правительственные заказы и т.п. Тем самым государство порождало характерную негативную особенность российского предпринимательства: экономический успех достигался не по причине развития производства, технологий и инноваций, а благодаря искусственно создаваемым тепличным условиям. На фоне тесной зависимости предпринимателей от благосклонности властей, расцвела система взяточничества и подкупов. Власть обеспечивала условия реализации предпринимательской деятельности. Более того, российское государство, помимо всего прочего, регулировало доступ к дефицитным ресурсам [4]. С течением времени эта структура могла то упрощаться, то усложняться, а процент властного влияния со стороны государства уменьшаться или увеличиваться.

В современной России отношения власти и бизнеса никогда не характеризовались отсутствием напряженности того или иного уровня и рассматривались преимущественно в конфликтном дискурсе. Баланс сил регулярно менялся то в одну сторону, то в другую сторону. Начиная с 2000-х гг. маятник качнулся в сторону государства: органы власти активизировались и начали работу по восстановлению государственных приоритетов в экономике. Правительство накладывает на бизнес определенные ограничения, укрепляя вертикаль власти и выстраивая новую парадигму взаимоотношений между государством и бизнесом.

В России на сегодня сформированы три относительно автономные зоны взаимодействия бизнеса и государства [8, 7]:

1. «белая зона» включает в себя формальные практики, которые регулируются законодательством (налоговые отноше-

ния, административное регулирование), конкурсы на госзаказы и т. п.;

2. «черная зона» - коррупция и прочие неформальные практики;

3. «серая зона» - практики неформального толка, которые непосредственно не связаны с коррупцией, например, торг относительно условий существования конкретного бизнеса.

Если в основе так называемой «белой зоны» лежит принцип создания единых правил игры для всех участников рынка, то «серая» и «черная» зоны подразумевают под собой неформальные режимы для предпринимателей и избирательность власти в отношении применения тех или иных санкций при нарушении формальных норм. «Серая» и «черная» зоны дают простор для вложений бизнеса в «хорошие отношения» с властью, которые нужны для получения преференций и достижения своих собственных интересов.

Развитие взаимоотношений власти и бизнеса протекало по пути получения относительно небольшой частью властных структур ренты за реализацию ручного управления, что, в свою очередь, неизбежно способствовало чрезмерному усилению неформальных механизмов урегулирования конфликтных ситуаций и концентрации собственности [1]. Это снизило эффективность экономической политики в целом, и рыночных реформ в частности. Важное значение приобрело наличие тесных личных контактов представителей бизнес-структур и государства, возможность уладить разногласия неформальным путем. Владельцам активов права собственности гарантированы государственным аппаратом чиновников, которые получают доходы от бизнес-структур, стабильность которых они обеспечивают. Персонафицированный подход вытесняет действия по общей для всех схеме.

Следует отметить, что данные тенденции усиливаются в период экономических кризисов, что в целом не удивительно, ведь

именно в такие сложные моменты бизнес как никогда нуждается в поддержке со стороны государства. В результате описанного выше формата взаимоотношений, еще больше увеличивается дифференциация возможностей различных бизнес-структур, а также увеличивается коррупционная составляющая взаимодействия бизнеса и власти. В такой ситуации основная часть малого и среднего бизнеса оказывается практически удалена из системы взаимоотношений с властью. При этом именно малый и средний бизнес работает в реальном секторе экономики, который ориентирован на удовлетворение запросов общества. Нацеленность на внешнего потребителя сырья, а не на продукты и услуги повседневной жизни, показывает объективную заинтересованность государства в своей доминирующей роли во взаимоотношениях с бизнесом, который подчинен интересам самосохранения.

Между бизнесом и государством в России сформировался вертикальный контракт, который характеризуется асимметричностью, нечеткостью правил игры и избирательностью. Российский бизнес существует в условиях неравноправия сторон, диспаритета прав и обязанностей. В России реальными правами пользуются главным образом государство и его представители, а бизнес в основном обременен обязанностями. Со стороны государства все громче слышны призывы к социальной ответственности. Но правила игры размыты, а четкое закрепление прав собственности отсутствует. Неясными остаются и границы вмешательства государства в экономику и в регулирование частного сектора, полномочия органов власти [6, 41-65]. Это дает государству возможности для манипуляций относительно поддержки того или иного бизнеса. Государство применяет избирательные санкции по отношению к нарушителям формальных норм, избирательную ответственность и стимулы. Поступая как дискриминирующий монополист, государство делает контракт с бизнесом персонафицированным.

В России недостаточно развиты институциональные структуры. Можно отметить следующие проявления институционального отставания [2]:

- качество государственного управления остается низким и не соответствует уровню развития экономики;
- барьеры «входа» на рынок жесткие, чему способствуют монополизация рынка и отсутствие социально-политических факторов, которые препятствовали бы закреплению поделенного между «приятельскими субъектами» рынка;
- декларируемая стратегия диверсификации при отсутствии реального развития здоровой институциональной среды (низкое качество правовых и политических институтов, антикоррупционного контроля).

Это мешает бизнесу и государству четко определять рамки взаимодействия, осознать взаимные интересы, выстроить отношения в режиме консультаций, а главное избегать серьезных кризисов, а если таковые наступили, то способствовать их деэскалации. Стоит также учитывать, что спрос на «плохие» институты в ряде случаев (как правило в странах с переходной экономикой), исходит от самого бизнеса: бизнес-структуры могут использовать свое влияние, прежде всего, для поиска ренты, а не для повышения качества экономических и политических институтов. Чиновники, в свою очередь, тоже выигрывают от такой «параллельной институционализации», действующей на неформальных рынках политических и бюрократических услуг, правил и норм, неэффективных с точки зрения развития конкурентных рыночных взаимодействий. Подобное «институциональное междуцарствие» - неизбежность для трансформирующегося общества, однако исследователи указывают на консервацию этого состояния в современной России [9, 16].

Сегодня задачи обеспечения экономического роста противоречат структуре прав

собственности, которая максимизирует получаемую ренту. Рентоориентированная мотивация не дает стимулов развивать производство. Государство при помощи использования неформальных институтов властного доминирования и политико-административной консолидации поставило бизнес в условия, при которых последнему включение в систему управления и коррупционные сети бюрократических институтов выгоднее, чем гарантия ясных гражданских предпочтений. Поддержанию подобной системы на плаву в немалой степени способствует тот факт, что для российского бизнеса, той его части, которая была бенефициаром приватизации, выгодно сохранение неэффективного управления, так как потери от него компенсируются политическим влиянием [3]. Государство создает для бизнеса тактические преимущества в ходе лоббирования корпоративных интересов бизнеса в органах власти в обмен на невмешательство в разработку стратегических решений. Если предприниматель понимает, что будущее его бизнеса и контролируемых им материальных и финансовых ресурсов находится в практически целиком зависимости от действующей власти, то он не будет бросать вызов существующей политической системе, так как риски слишком высоки: вполне реальна угроза оказаться изгнанным или лишиться своего капитала, а в самых крайних случаях - и физической свободы.

Итак, специфической особенностью взаимодействия бизнеса и власти в России является клиентелизм и лоялизм. Главная гарантия защиты собственности - неформальные правила игры, близость к власти, что обуславливает неэффективность управления собственностью, рост издержек, снижение эффективности производства и подорожание конечного продукта для покупателя. Подобная атмосфера ведет к дефициту доверия как в предпринимательской среде, так и в обществе в целом. Бизнес сегодня существует в двойственной реальности. С одной стороны, государство провозглашает курс на модернизацию экономики и разви-

тие предпринимательства. Но с другой, бизнес теряет свою независимость, его политические ресурсы и способы влияния на власть сокращаются.

Особенности управления конфликтами бизнеса и власти в России

В начале 1990-х годов, в результате происшедшей трансформации общественных отношений, государство стало «мягким», будучи не в состоянии ответить должным образом на действия олигархических групп. Оно как бы дистанцировалось от решения острых проблем. Именно это способствовало внеинституциональному развитию конфликтов как внутри этих групп, так и между ними и аморфными властными структурами. Итогом подобных взаимоотношений были передел собственности, насилие и деструктивные последствия для общества в целом [5].

Начиная с 2000-х гг. происходят укрепление власти и смена парадигмы отношений между властью и бизнесом. Практики и механизмы регулирования конфликтов бизнеса и власти, используемые сейчас в России, во многом институционализируются после дела ЮКОСа. Схема отношений между данными сторонами в результате конфликта претерпела существенные изменения: крупные бизнесмены согласились с позицией младшего партнера власти, отказавшись от политических амбиций и роли самостоятельного политического актора. Следствием этого закономерно стало перераспределение ресурсов, используемых для разрешения конфликта, в пользу государства. Отныне за властью остался выбор технологий урегулирования конфликтов, контроль за информационным полем и др. Было наглядно продемонстрировано, насколько может быть результативно использование административных и юридических ресурсов управления конфликтом в интересах лишь одной из сторон. Были реализованы как политические, так и экономические цели перераспределения собственности крупной корпорации [7].

В любом конфликте бизнес стремится максимизировать свою прибыль, однако структура выбора неизбежно меняется под давлением государства: пользуясь имеющимися ресурсами власть ставит бизнес в положение, при котором минимизация возможного ущерба становится важнее удовлетворения текущих интересов. Вследствие неравных властных потенциалов и степени уязвимости сторон выгода от подчинения приравнивается к части потенциальной прибыли, которая была бы получена, не существуя подобных структурных перекосов. В свою очередь уязвимость производна от наличия альтернативных стратегий у участников конфликта и выбора издержек от выхода из него. С усилением взаимопроникновения власти и бизнеса, их взаимодействие становится еще более непрозрачным, что в контексте управления конфликтами приводит к дальнейшему распространению непубличных методов урегулирования разногласий. В ходе конфликта на поверхность всплывает лишь малая часть подробностей и судить об истинных мотивациях и стремлениях участников все сложнее. Таким образом, власть концентрирует в своих руках широкие возможности для неформального контроля над бизнесом.

В ряде стран в качестве третьей стороны, которая выступает в качестве критика власти или бизнеса, может выступать общественность, побуждая стороны конфликта вступать в борьбу за общественные симпатии. Однако в России, на фоне общей слабости структур гражданского общества, общественность не имеет возможности участвовать в управлении подобными конфликтами и выступать как отдельный субъект. Если рассуждать с этой точки зрения, то можно отметить, что в ходе конфликта бизнеса и власти в России речь может идти не только о перераспределении собственности, но и о проведении определенной государственной политики. Таким образом, можно выделить основные особенности институциональной среды модели конфликтов бизнеса и власти:

- отсутствие единых правил для агентов конкурентно-рыночной игры;
- для экономических акторов правоприменение становится избирательным;
- судебная система не развита, а условия для ведения бизнеса ужесточаются, что усложняет для политически неангажированных контрагентов возможность отстаивать свою позицию в спорах с государством;
- возрастает роль политического влияния на деятельность предприятий;
- усиливается роль силовых структур во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов;
- народное недоверие к бизнесу, особенно крупному, которое культивируется в обществе, не способствует сглаживанию противоречий, а напротив приводит к расколам в обществе. Власть намеренно отделяет бизнес от публичной политики и подвергает сомнению правомерность предпринимательской активности.

Взаимоотношения власти и бизнеса в России сегодня характеризуются высоким потенциалом конфликтогенности. Это обуславливается, в первую очередь, незавершенным процессом институционализации легитимной модели взаимодействия бизнеса и власти, которая отвечает современным реалиям. Данный факт, в свою очередь, препятствует эффективной работе по урегулированию существующих конфликтов и предотвращению вероятных, а также гармонизации интересов бизнеса и власти в целом. Но ни государство, ни бизнес оказались не готовы к созданию оптимального институционального окружения.

Заключение

Бизнес в России во многом утратил гражданскую и политическую субъектность. Он аморфен и в вопросах легитимации способов управления конфликтами полагается на власть, которая, в свою очередь предпо-

читает прибегать к механизмам, отвечающим ее текущим интересам. «Ручное управление» обеспечивает лишь видимость спокойствия, тогда как неспособность сторон выходить из конфликта усиливается. Неформальные сети управления конфликтами вырабатывают правила, по которым бизнес и власть строят свои отношения, компенсируя тем самым слабые формальные институты.

Представленный анализ проблемы конфликта интересов бизнеса и власти показывает, что во взаимоотношениях бизнеса и государства можно выявить ряд острых углов, таких как: отсутствие четких и однозначных «правил игры», а также полных гарантий института частной собственности. Партнерство бизнеса и власти в России можно определить лидирующей ролью государства. Бизнес, как миноритарный акционер, может высказывать свои предложения, но последнее слово остается за государством. Подобная стратегия идет в разрез с требованиями модернизационного процесса, в контексте которого государству должны отводиться задачи стратегического планирования и вовлечения частного бизнеса в сферу общей экономической стратегии. Усиливающиеся дирижистские тенденции и государственный патернализм создают препятствия на пути реализации бизнесом своей деятельности. Бизнес в России сегодня деполитизирован и гиперполитизирован одновременно. С одной стороны, бизнес демонстративно отстранен от участия в политике и борьбы за власть. С другой, гиперполитизацию можно понимать как использование бизнеса в качестве инструмента в руках политической элиты в ходе решения тех или иных проблем (в основном межгосударственных).

Список литературы:

1. Алейников А.В. Анализ генезиса бизнеса в России: проблемное поле // Власть. 2009. № 12.

2. Алейников А.В. Российская модель конфликтной сопряженности бизнеса и власти // Конфликтология. 2013. № 1.
3. Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. Препринт WP4/2006/01. М.: ГУ ВШЭ. 2006.
4. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.). М., 1992.
5. Бизнес и государство при В. Путине. Становление новой системы взаимоотношений. М.: Центр политических технологий, 2000.
6. Левин С.Н., Сурцева А.А. Государство с преобладанием контрактных начал: методология анализа и проблемы его формирования в России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 3.
7. Яковлев А.А. Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 1.
8. Яковлев А.А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела ЮКОСа» // Общественные науки и современность. 2005. № 1.
9. Ясин Е. Бремя государства и экономическая политика // Вопросы экономики. 2002. № 11.

Conflict of Interests Between Business and Government in Modern Russia

Kirillina Valentina – Professor, Doctor of philosophical sciences, Deputy Head of the Department of the Theory and Practice of Business-Government Interaction, Head of Research and Education Laboratory of Business Communications Study of the National Research University - Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russia. E-mail: kirillina@hse.ru

Antonova Anastasia - graduate of the HSE faculty of world economy and world politics. English language tutor

The article examines the practices of conflict interaction between business and government that has developed in Russian society. The most important of them is the prevalence of informal conflict management networks, that develop the rules by which business and government build their relationships and compensate for weak formal institutions. A number of acute angles can be identified in the relationship between business and the state, such as the lack of clear and unambiguous "rules of the game", the lack of guarantees of the institution of private property; partnership between business and government in Russia can be defined by the leading role of the state.

Key words

interaction between business and government, conflict, specificity of the Russian business, institutionalization of conflicts.